

Глава 1

НАЛОЖЕНИЕ КАДРОВ. ВАЛЬКИРИЯ

Много лет назад

Скрипучая пластинка на патефоне. Музыка Вагнера — увертюра к «Тангейзеру». То место, где тромбоны и потом широко вступают струнные — скрипки и виолончели.

Кто-то поставил эту пластинку на патефон только что, ведь до этого слушали лишь всякую эстрадную дребедень, танцевали танго. Возможно, пластинку поставила она, прервав на середине песенку из довоенного фильма «Привет, Жанин!». Она любила ее исполнять, акцент почти не был замечен, она пела лукаво, с хрипотцой, когда выходила на сцену — обольстительная, длинноногая в блестящем боди и страусовых перьях — и начинала отбивать чечетку.

«Тангейзер»... то место, где тромбоны ликуют, зовут за собой вперед и вперед. Туда...

Гауптштурмфюрер Гюнтер Дроссельмайер снова попытался крикнуть, позвать на помощь. Но не смог издать ни звука. Губы онемели, он уже не чувствовал их. Не чувствовал ни ног, ни рук, дыхание со свистом вырывалось из его груди — еще немного, и полный паралич.

А в спальне, откуда она только что вышла, корчился на полу в смертельной агонии его брат Вилли.

Как-то до войны во время отпуска в Альпах они сидели у костра, и Вилли был так хорош — светловолосый, решительный, сильный. Его обожали женщины. Они чувствуют, ценят силу инстинктивно, как животные. Он, не задумываясь ни на секунду, доставал из кобуры пистолет и стрелял, не целясь. Оберштурмбаннфюрер СС Кляйхе так хвалил его за столом. Всего час назад, когда все они сидели в комнате за накрытым столом.

А сейчас брат Вилли бился в судорогах, царапая ногтями дощатый пол. Занозы под ногтями... Его губы, закушенные от боли. А ведь только что там, в спальне, он губами, зубами стаскивал шелковые чулки с ее стройных длинных ног. Вон и его китель — на спинке стула. Он раздевался в спешке, забыв от возбуждения об аккуратности и приличии — отстегнул, швырнул свои офицерские подтяжки.

Тогда давно в Альпах у костра они говорили о войне. И гауптштурмфюрер Гюнтер Дроссельмайер все пытался объяснить своему младшему брату Вилли, что война — она не то, чем кажется. Не то, что видишь, когда смотришь кино.

Вилли лишь улыбался и отвечал, что на войне как на войне. И война вообще ему нравится. И вот там, в спальне, вспомнил ли он об этом в свой смертный час?

А в соседней комнате вокруг разоренного праздничного стола — на полу, на стульях, на кресле — как сбитые кегли, валялись, издыхали гости оберштурмбаннфюрера Кляйхе. Сам он уже умер, рухнув на подоконник зарешеченного окна, когда хотел выбить стекло и позвать на помощь.

Все окна тут и правда зарешечены, нет, не как в тюрьме, просто в целях тотальной безопасности. Охрана по периметру территории, во дворе и в самом здании, стена, колючая проволока, ток, немецкие овчарки, вышка с автоматчиками. Не тюрьма и не концлагерь, даже не разведшкола в лесу. А нечто среднее между офицерским общением, клубом, санаторием и казино, куда они приезжали отдыхать по вечерам — нечасто, когда на войне (пусть они и ошивались в тылу вдали от передовой) выпадал свободный вечерок от облав, зачисток, расстрелов и публичных казней через повешение на главной площади города.

Они приезжали сюда вместе с оберштурмбаннфюрером Кляйхе встряхнуться, выпить, поиграть в карты, привозили женщин. Тут все под охраной, тут можно отдохнуть от гари пожарищ, рева танков, налетов, мин, заложенных на дорогах, от пуль и от партизан, автоматных очередей, допросов, от всей этой бумажной волокиты, которой на войне, как ни странно, — много, от крови, от криков тех, кого там, в тюремных карцерах, следователи допрашивают и пытается палач. Вилли никогда не брезговал этой работой. Он говорил, что всякая работа ради Рейха почетна.

Увертюра к «Тангейзеру», то место, где тромбоны...

Сколько еще будет длиться эта музыка...

Ровно столько, чтобы понять, осознать, догадаться, что они сами привезли свою смерть с собой.

Они привезли ее сюда.

Куда был добавлен яд? В шнапс? В бокалы с шампанским? В тирольский пирог, что так любил братец Вилли?

Во всё. Когда они садились за стол, перебрасываясь шутками, когда поднимали свой первый тост, они все уже были мертвы. Пир мертвецов.

Гауптштурмфюрер Гюнтер Дроссельмайер более не чувствовал свое парализованное тело, но еще жил, еще видел.

Как там показывают в кино — заснеженное поле и среди снега и льда мертвые солдаты. И валькирия кружит над полем.

Ее крылья...

Нет, теперь умирая, он знал наверняка — ее крылья не похожи на крылья стальных имперских орлов, они огромны и черны — кожистые, как у летучей мыши, все в струпьях и язвах.

И вот она опустилась и приблизила лицо свое к его лицу. Узкое, прекрасное девичье лицо с высокими скулами, что и есть красота, с льяными кудрями, упавшими на лоб.

Такое жадное любопытство в глазах ее. Она смотрит, как он умирает. Как издыхают они все — братец Вилли, что с ума сходил по ее телу, ее ногам, в шелковых чулках, в черных туфельках, отбивавшим чечетку, оберштурмбаннфюрер СС Кляйхе, расстрелявший подполье в Кракове и в Праге, но не сумевший понять, разгадать...

Они все... И даже Тангейзер. Пластинка на патефоне все еще играет, но музыка глохнет. И все меркнет, покрывается трещинами и паутиной, распадается, отступая во тьму.словно кадры старой кинохроники на бледном экране. А потом на старую пленку накладывается новый кадр. Что там в этом новом кино и каковы главные герои, гауптштурмфюрер Гюнтер Дроссельмайер не видит. Он давно уже мертв.

Но музыка жива, пробиваясь сквозь новый кадр, новую реальность, новые громкие звуки — рокот вертолета над крышами, полицейские сирены, сирены «Скорой», оглушительный «Рамштайн», рвущийся наружу через открытое окно чьей-то машины, вставшей на светофоре.

Глава 2

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ У СВЕТОФОРА

Наши дни

В 7.30 выезд с шоссе от Баковки на федеральную трассу в сторону Москвы еще свободен. В 7.40 тут у светофора уже собирается пробка. Это знают все водители Электрогорска и все окрестные дачники, которые летом выезжают спозаранку со своих «фазенд», торопясь в Москву на работу.

Разница всего в десять минут, но какие это минуты... Потом, когда начали разбираться и искать очевидцев, выяснилось, что тот внедорожник «Шевроле» — не новый, серебристого цвета с тонированными стеклами — подкатил на перекресток к светофору около 7.30 со стороны Баковки. В этот момент как раз на светофоре зажегся красный свет и внедорожник остановился.

Тонированные стекла были подняты, но водитель фуры, вставшей рядом с ним, слышал музыку, доносившуюся из салона. Допрошенный впоследствии сотрудниками ДПС, он описал ее как «громкую, будоражащую» — «типа хеви-метал — бах-бах, лязгает, грохочет».

Знаток музыкальным водителем фуры оказался плохим, «в группах и стилях не разбирался», как метко подметили в рапорте сотрудники ДПС, и «убыл» с перекрестка, свернув на федеральную трассу, как только зажегся зеленый свет.

Внедорожник «Шевроле» не тронулся с места.

Снова зажегся красный свет, и в хвост внедорожника пристроилась пара машин. Водителя одной из них — «Тойоты» — впоследствии тоже допросили сотрудники ДПС. И он показал, что видел джип на светофоре (он все внедорожники именовал джипами) и слышал музыку, грохотавшую в салоне.

— «Рамштайн». Я сам их люблю, зажигают круто парни. Как раз чтоб проснуться.

Светофор дал зеленый свет. Машины тронулись, «Шевроле» остался на месте. Громоздкий бензовоз, подъехавший сзади, посигналил нетерпеливо. Но внедорожник не двинулся. И бензовоз начал неуклюже объезжать его. Шофер негодовал, он, прошедший четверть века за баранкой, ненавидел всех без исключения «богатых ублюдков», разъезжающих на иномарках и «заполонивших дороги».

Зеленый свет...

Красный...

Снова зеленый...

За «Шевроле» выстроился уже целый хвост машин. Все ожесточенно гудели. Потом начинали объезжать.

— Заснул, что ли, на фиг?

— Эй, хоть бы аварийку включил!

— Это что тебе тут, бесплатная парковка, блин?!

Зеленый свет...

Красный...

Зеленый...

Красный...

Время близилось к восьми часам утра. Пробка на выезде на федеральную трассу в сторону Москвы росла как на дрожжах.

— Да постучите вы ему в стекло!

— Уже стучали сто раз, без толку.

— А где гаишники? Когда надо, их нет никогда.

— Вон зеленый зажегся, поехали.

Гигантская пробка, растянувшаяся уже до Баковки, медленно обтекая застывший в ступоре «Шевроле», заполонила уже и встречную полосу. Машины, поворачивавшие с федеральной трассы в сторону Электрогорска, возмущенно гудели.

Зеленый...

Красный...

Серебристый внедорожник...

В какой-то момент музыка, доносившаяся из салона, смолкла. Как потом показывали опрошенные очевидцы-водители, из машины никто не выходил, никто и не садился во внедорожник. В салоне в магнитоле во время обыска впоследствии обнаружили диск группы «Рамштайн». Видимо, музыка умолкла, когда диск закончился.

— Там вообще кто-нибудь есть за рулем? Может, оставил машину и смылся?

— Как это смылся?

— Ушел. Или сбежал. Угнал тачку и бросил на светофоре.

— Нет, там кто-то сидит за рулем. Плохо видно, окна темные.

— Так постучите ему, разбудите! Пьянчуга проклятый!

— Уже сто раз стучали, кричали.

Машины, пробираясь, как в тесном ущелье, проезжали мимо. Все торопились по делам в Москву.

Лопнуло терпение у женщины за рулем старенькой «Хонды». Она лишь недавно научилась водить, ездила на дачу, трясясь как осиновый лист от страха на дороге, не умела парковаться и совершать объездной маневр. Она попыталась объехать внедорожник справа, но испугалась, что ей не хватит места и она завалится в кювет. И вот она сама встала намертво за багажником проклятого «Шевроле», понимая, что угодила в дьявольскую ловушку на светофоре.

Она выхватила мобильник из сумочки и набрала сначала 112 — гудки, потом привычное 02.

— Алло! Алло! Полиция? Это, конечно, не мое дело, но тут машина на перекрестке стоит уже, как говорят, больше часа и ни с места. Всю дорогу загородил придурок! Где? На светофоре, как на главную выезжать. Что? Ах вам уже звонили... А когда подъедет инспектор?

Машина ДПС, еле пробившись сквозь пробку, прибыла к светофору в 9.15. Два инспектора подошли к внедорожнику. Им оглушительно гудели водители со всех сторон.

— Уберите его отсюда!

— Алкаш!

— Да небось обколотый весь под кайфом!

Инспектор ДПС наклонился к тонированному стеклу. Постучал властно.

— Эй!

Нет ответа.

— Эй, откройте, ваши документы!

— А может, нет там никого?

— Как нет, вижу, сидит за рулем, силуэт вижу.

— Может, плохо человеку стало? — забеспокоился второй. — Эй, гражданин, откройте дверь!

Глухо.

— И что делать будем?

— А если у него с сердцем плохо? Неси гаечный ключ или домкрат.

Под одобрительный свист и гудки инспектор ДПС, вооружившись домкратом, осторожно тюкнул в стекло со стороны пассажирского сиденья — чтобы не поранить осколками того, кто не отвечал и не трогал машину с места. Стекло не поддалось, и тогда он ударил изо всех сил.

Грохот, звон, стекло обрушилось на сиденье.

Сотрудники ДПС увидели мужчину, уткнувшегося в руль.

— Что с вами? Очнитесь! Вам плохо?

Инспектор ДПС нащупал кнопку на приборной доске и открыл двери внедорожника. Его напарник тут же сунулся в салон, он попытался усадить водителя, приподнял его, но руки... руки того намертво вцепились в руль.

— Он мертв!

— Ты посмотри на его лицо.

— Что? Я говорю — он умер, наверное, инфаркт.

— Может, и сердце, но... нет, ты глянь на его лицо.

Инспектор ДПС медленно повернул к напарнику голову водителя внедорожника. И напарник,

видавший за десять лет службы в ГИБДД столько аварий, столько мертвецов, столько всего, что хватило бы на целый полк ДПС, испуганно отшатнулся.

Глава 3

БЛАГОВОНΙΑ

Большая комната на втором этаже дома, превращенная Натальей Пархоменко из супружеской спальни в домашний храм, всегда хранила полутьму и терпкий сладкий аромат благовоний.

Окно всегда в любое время суток защищают от любопытных взоров жалюзи, плотные шторы струятся от высокого потолка вниз — синие, как горный водопад в Гималаях. На полу — толстый турецкий ковер, супружеская кровать убрана, вместо нее — узкая кушетка с подушками и валиками и москитная сетка над ней — как розовая дымка. От подмосковных комаров. Но они никогда не залетают сюда из сада — ни ночами, ни по утрам. Их губит, душит угар благовоний, что исходит от бронзовых индийских курильниц, где всегда тлеет благовонная смесь.

Ладан и мирра...

Сандал...

Жасмин...

Лотос...

Мускус...

Пачули...

Из музыкальной системы, встроенной в стену, льется музыка Кришны Даса.

ОМ НАМАН ШИВАЙЯ...

ОМ ШИВАЙЯ...

Ударные мерно отбивают ритм, глухо рокочут барабаны. Там, в долинах Гималайских гор.

В новомодной электронной фоторамке на стене — изображение бога Кришны. Прекрасноликий пастух, кожа неземного синего цвета. Это цвет страсти, цвет любви, цвет ночи.

Наталья Пархоменко — в прошлом энергичная, успешная замужняя сорокалетняя дама, а ныне (вот уже полтора года) вдова... бездетная, одинокая, живущая в этом богатом особняке на хлебах свекрови и младшего брата мужа, — сидит на полу, поджав стройные ноги, босые и курит папиросу-самокрутку, с наслаждением вдыхая терпкий дым.

Не табак. Курительная смесь.

Не та, что продается в вонючих ларьках у метро. А настоящая, подлинная, из Индии.

Капелька гашиша не повредит.

Синеликий Кришна взирает на нее из меняющей цвет, как хамелеон, электронной фоторамки с великим терпением. Он понимает и прощает ее слабость.

Полтора года, как вдова. Потеряла мужа, которого очень любила. Да, он был успешен и богат. Да, владел здесь, в подмосковном Электрогорске, акциями завода, фармацевтической фабрики и банком. Но она любила его не за это. Как объяснить — за что, если не за деньги и собственность? Вон и свекровь, Роза Петровна Пархоменко, тоже, наверное, любившая его, как мать сына, не понимает. Считает — лжет Наташка, все лжет, прикидывается. Овдовела, а теперь только и ждет, как получить свою долю собственности из наследства и капитала и смыться из этого дома за границу.

Ведь уже смывалась. Уезжала, пропадала на полгода.

Наталья Пархоменко глубже затягивается, вдыхая ладан и гашиш. Да, верно, она покидала этот дом. Полгода в странствиях, в путешествиях по Индии и Гималаям. Дели, Варанаси, долина Ганга, Дарджилинг, Кашмир.

Джунгли, напитанные муссонами, а потом высушенные, сожженные солнцем. Нагорья Раджастан, крепости и замки, храмы, отели, ужасные проселочные дороги, где вязнут грузовики. Пыль, пыль, пыль...

Священные коровы...

Святые змеи, кобры Наги в храме на горе...

Их яд...

Адская давка на вокзале в Харагпуре, когда толпа штурмовала пассажирский поезд. Люди вскакивали на подножки вагонов и лезли на крышу. Как в советских фильмах про Гражданскую войну.

Там же, в Варанаси, куда она приехала еще в облике русской туристки — в джинсах, в футболке, с багажом, и отправилась в таком виде осматривать храмы, кто-то в толпе бросил ей за ворот горсть толченого стекла.

Боль такая, словно с вас содрали кожу.

Она едва не потеряла сознание на ступеньках храма. И кто-то из местных потащил ее в аптеку.

Ту аптеку...

Скорее крохотную лавку на задворках храма, которую она потом так полюбила и посещала часто, все время, пока жила в Варанаси и ходила на Гхаты.

Сидеть на каменных выступах, серых от пепла.
Смотреть, как жгут...

Как потом бросают кости и прах в Ганг.

Прах к праху... В воду, что все смоеет и все очистит, всю скверну.

Когда убили мужа...

Его застрелили на их кипрской вилле прямо в бассейне.

Он сказал ей перед той поездкой... что же он сказал, ах да... что летит на Кипр по делам приобретения собственности на побережье банком. Пятница, суббота, воскресенье. Какие сделки совершаются в уик-энд?

Муж угнезвился на их приморской вилле вместе со своей секретаршей. Они резвились в бассейне голышом, когда раздался выстрел.

Киллер... заказное убийство — так потом сказали и в местной полиции, и уже здесь, в прокуратуре и МВД. Киллер, заказное убийство. У вас и вашей семьи есть какие-то подозрения, кто мог это сделать? Кто мог заказать его там, за границей?

Первое время следствие возлагало какие-то надежды на любовницу-секретаршу. В нее тоже стреляли. Пуля попала ей в голову, но врачи сделали операцию, обещали, обещали, обнадеживали.

Она осталась жива, но жила все эти годы как овощ. Никаких показаний, никакой помощи в расследовании — ничего, пуля задела что-то важное в мозгу.

Жаль...

Ах как жаль...

Наталья Пархоменко затянулась курительной смесью глубже.

Кипр уже как-то стерся из памяти.

Индия все перекрыла собой.

Кришна Дас поет мантру. И нет ничего более умиротворяющего. Надо любить, надо прощать. Она любила своего мужа.

Она все еще любит его.

До сих пор.

Ом наман шивайя...

Там, в Индии, в городе Варанаси, дымном от смога миллиона погребальных костров, сером от пепла сожженных тел, ей казалось, что она постигла природу любви.

Урок с толченым стеклом пошел впрок. Она скинула джинсы и футболку, оделась в сари, покрасила волосы, став брюнеткой, загорела как черт, да еще постоянно пользовалась атвозагаром. В общем, изживала напрочь свой европейский тип, маскировалась под местную. И ей это мастерски удавалось.

Если живешь там, надо жить как там.

Если возвращаешься сюда, нужно жить как здесь.

Не получается?

Тогда и тут маскируйся.

Дверь, занавешенная тяжелыми восточными шторами, со скрипом открылась. И на пороге возникла свекровь. Тучная Роза Петровна Пархоменко.

После похорон сына она еще больше потолстела и теперь с трудом поднималась по лестнице на второй этаж.

Но вообще-то сил и энергии в ее семьдесят лет им всем бы хватило с избытком.

— Опять обкурилась! Мать твою! — зычно возгласила Роза Петровна. — Наташка, ты давай это кончай в моем доме. Вонь уже вниз в холл прет. Что это у тебя там за дрянь сегодня?

— Благовония.

— Это благовония?!

— Жасмин, мама.

Да, Наталья Пархоменко звала свою тучную крикливую властную свекровь кротко «мама», так же, как когда-то и муж. Так же, как сейчас и младший брат мужа Михаил, Мишель.

— Давай кончай. Я кондиционер сейчас везде включу, — Роза Петровна в полутьме шарила по стене в поисках выключателя и настенного пульта кондиционера.

— Пожалуйста, не надо.

— О твоём же здоровье пекусь, дура.

— Спасибо, мама.

— Ты сделаешь, что я прошу?

— Что?

Курительная смесь начала действовать, и все уплывало... качалось... Шелковое сари, что она купила в Дели, посадка на поезд в Дарджилинге, ночь с тем немецким студентом в горном отеле, которую они провели вместе... изумрудная вода в бассейне кипрской виллы, подкрашенная кровью.

— Ты сделаешь, что я прошу? — повторила свекровь Роза Петровна.

— Да.

— Не слышу.

— Да, да, уже... я стараюсь.

— Не забывай, он ведь тебе муж был. Не только мой сын. Но и твой муж.

— Да.

— Если на весы-то положить, что больше потянет, а?

Там, в крохотной лавке-аптеке, где смазали целительной смесью сливочного масла и коровьей мочи ее раны и ссадины, причиненные толченым стеклом, имелись допотопные аптекарские весы.

На их бронзовые чаши ловкой рукой аптекаря бросались маленькие серые шарики — то ли воск пополам с цветочной пылью, то ли паутина с пеплом и соком гевеи. Но это было ни то, ни другое.

Наверное, яд.

— Мама, вы устали, присядьте, — Наталья Пархоменко рукой с зажатой папиросой показала на кушетку.

Роза Петровна хотела было захлопнуть дверь. Но передумала. И, переваливаясь, устремила к кушетке.

Грузные шаги ее попадали точно в ритм музыки Кришны Даса. А ноги тонули по щиколотку в мягком ворсе турецкого ковра.

Глава 4

ПЕРЕД ЮБИЛЕЕМ

Адель Захаровна Архипова по обыкновению проснулась поздно, около полудня. Встала с кровати и первым делом прислушалась к себе. Она это так называла — прислушиваться к себе. Давление как? голова, а ноги как? суставы? В коленках

возможило, но голова не кружилась. День за окном спальни сиял солнцем, дышал свежим ветром.

В саду слышались громкие женские голоса, девичий смех.

Сноха, внучки. Уже позавтракали, радуются жизни. Старшая внучка Гертруда вчера получила права, теперь будет водить отцовскую машину — ту, что стоит в гараже вот уже три года. А водителя наемного, что же, значит, в шею теперь? Ну нет, она, Адель Захаровна, этого не допустит. Она пока в этом доме хозяйка. И Пашка-водитель как служит, так и будет служить, получать зарплату. Он и водитель, и охранник. Пуля ведь его тогда там, на проспекте Мира, тоже не пощадила, когда они вместе с Борисом, ее сыном покойным, приехали, на свою беду, туда.

Ладно. Что сейчас о покойнике-то вспоминать? Это все уже... нет, не выболело, не сгорело, как можно — она ведь мать ему. Это все в сердце, там, глубоко. Но об этом не сейчас.

Такой хороший день. Такой божественно прекрасный день. И ничего, кроме коленок, вроде не болит, ничего, кроме ревматизма. И давление в норме. И голова ясная, не надо пить ни бетасерк, ни пирасетам.

Через несколько дней — семьдесят лет стукнет. Кто бы когда сказал ей... кто бы тогда сказал им, девчонкам... ей и Розе Пархоменко, что вот доживете вы до семерки с нулем.

И станете красить седые свои косы (тогда были косы, не сейчас, сейчас стрижка модная — парикмахерша на дом приезжает).

И начнете курить, несмотря на категорические запреты всех докторов.

Считать морщины.

Глотать таблетки.

Думать о том, как прожита жизнь.

Жадничать по мелочам.

Завидовать юности.

Скорбеть и плакать на похоронах.

Молиться, тайком, когда никто не видит, — не о здоровье, не о благополучии, не о недостатке (достатка в избытке), а о том, что не выскажешь вслух.

Адель Захаровна пошла в ванную. Она имела свою личную ванную на втором этаже рядом со спальней. Внучки делили одну на троих. Сноха Анна имела свою — там даже биде стояло. Вот так-то.

Так захотел, пожелал и сделал при строительстве этого дома, да что там — особняка, каких поискать, ее сын Борис, муж Анны.

Чтобы все как за границей в богатых домах — в Швеции, в Дании, где он так любил бывать. Он вообще считал, что уклад жизни надо менять, ориентируясь именно на скандинавские страны. Там и климат такой, как наш, холодный, а вот они приспособились. Выбрали особый архитектурный стиль, особый дизайн. Технику свою. И все работает. И чем нам изобретать свой российский велосипед, так уж лучше копировать шведов или финнов.

В общем, имел он такую свою чисто личную точку зрения — ее ныне покойный сын Борис. Тогда, при его жизни, Адель Захаровна с ним не соглашалась. Сейчас бы сказала — верно, сынок.

Полностью с тобой согласна, солидарна, ты только живи.

Умер сын.

Убили.

Застрелили в тихом дворе в Москве на проспекте Мира три года назад.

А он ведь Москву не любил. Словно как чувствовал. Они всегда жили под Москвой, в городе Электрогорске. Где станкостроительный завод. Где пущен по городу из старого конца в новый — трамвай. Ни в одном городе Подмосковья трамваев нет, только автобусы, маршрутки. А в Электрогорске сохранился. А кто тому причиной? Отец покойный Адель Захаровны — начальник трамвайного депо, а потом как пошел в гору на должность в райкоме — начальник транспортного отдела. И сын Борис начинал работать как транспортник, а в девяностых занялся бизнесом. И так оно все сложилось удачно... У них, у них сложилось удачно — у него и его приятеля закадычного, Сашки Пархоменко. И откуда деньги-то взяли сначала? Организовали банк. Нет, сначала приватизировали фармацевтическую фабрику. Затем создали банк. А потом... потом уже Борис забрал в собственность акции станкостроительного завода. Не один, конечно, — его фирма, которую он к тому времени уже имел.

Ее сын стал хозяином завода, на закопченную трубу которого они смотрели еще девчонками с Розой Пархоменко. Это ж надо жизни так обернуться круто?

Заводской гудок в пятидесятых, когда они в школе учились, будил их по утрам. Будил весь

город. А в шестидесятых гудок отменили. Но Электрогорск все равно просыпался рано.

У Розы Пархоменко мать работала на заводе в профкоме.

А потом через полвека сын Адель Захаровны Борис стал владельцем всего этого — заводских корпусов, цехов, КБ, складов, Дома культуры, столовой, учебных зданий бывшего заводского ПТУ. В общем, половины города Электрогорска.

Может, кто-то подумает, что, получив в собственность, ее сын похерил завод? Нет. Завод дышит, сводит концы с концами. Правда, действуют всего два цеха и собирают там уже не станки, а мебель, и пилят брус, но кому какое дело? Производство-то осталось, и рабочие места. И город живет.

Благодаря заводу.

Будь он благословен.

Будь он проклят во веки веков.

Этот завод они с Сашкой Пархоменко, корешем детства, компаньоном, почти братом... да, почти братом, друг с другом не поделили.

И тот выстрел киллера среди бела дня в центре Москвы на проспекте Мира...

Адель Захаровна стояла в ванной, включив воду, и смотрела на себя в зеркало. Через несколько дней — юбилей. Семьдесят лет. Подводя итоги... сын ее убит, завод ныне продан, денег у их семьи много. Внучкам — старшей Гертруде, средней Офелии, младшей Виоле — хватит до конца их дней.

Компенсирует ли капитал потерю?

Помнят ли девчонки отца?

Помнят, конечно, и до сих пор скорбят, печалются. Они молодые.

Они такие молодые...

Адель Захаровна намылила лицо. Ополоснулась прохладной водой, вытерлась полотенцем. А мы ведь с Розой Пархоменко в их возрасте были попроще. Нет, все тоже казалось тогда таким сложным, убийственно сложным.

Но зато мы были красивее. Я и она, моя Роза.

Так я ее называла тогда — утром, просыпаясь, радуясь, что увижу ее, мою подругу. И целый день вместе.

И ночью, засыпая... вспоминая, как провели вместе день.

Адель Захаровна покинула ванную и начала неторопливо одеваться, чтобы сойти вниз в кухню — столовую их большого дома. В уме она прикидывала, какому ресторану родного Электрогорска поручить организацию банкета по случаю своего грядущего семидесятилетнего юбилея.

Еще два года назад о каких-то праздниках не шло и речи. В этом доме царил глубокий траур. Адель Захаровна, никогда особо не верившая в бога, жарко молилась об отмщении.

И ее молитвы услышали.

А раз так, раз главное дело свершилось, можно подумать и о себе. Денег на банкет не пожалею, решила Адель Захаровна. Пусть город видит, что Архиповы все еще здесь. Что ничего не кончилось для нас, Архиповых, а все только начинается. И пусть ОНА тоже это знает.

Моя Роза...

Подруга, названная сестра моя...

Которая сейчас не со мной.

ПОДОЗРИТЕЛЬНАЯ СМЕРТЬ

— В общем, очень подозрительная смерть. И дело мне это не нравится. Хорошо, что его у нас забирают.

Начальник Управления криминальной полиции полковник Федор Матвеевич Гушин выдал эту фразу на Катин любопытный вопрос:

— А почему это в главке сегодня столько военных?

Катя — Екатерина Петровская — криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Московской области — вот уже неделю работала в выездной командировке вне стен родного главка. В общем-то, недалече — в Ивановском переулке в стенах бывшего монастыря, с давних пор облюбованного правоохранительными органами под разные вспомогательные и учебные заведения. Там располагались склады, несколько монастырских зданий занимал институт МВД. Здесь же когда-то гнездилась и знаменитая «старая» киностудия МВД. Сейчас же от нее остался только архив.

Архив готовили к списанию и утилизации в ходе всеобщего глобального реформирования ведомства. И Катя мечтала урвать для себя в ходе этой неизбежной реформации какую-нибудь (какую угодно) сенсацию для интернет-изданий из криминальной хроники былых времен. Но дело пока продвигалось туго — кроме допотопных старинных учебных фильмов о том, как «применять на практике навыки криминалиста», ничего интересного среди дряхлой кинохроники не попадалось.

А в главке тем временем творились какие-то странные дела.

— Чего это армия нагрянула? — спросила Катя полковника Гущина, который, несмотря на свой пост и тридцатилетний стаж работы в уголовном розыске, весьма лояльно относился к сотрудникам ведомственной прессы.

Разговор происходил в кабинете Гущина при закрытых дверях. В коридорах розыска мелькали люди в военной форме. Двое хмурых полковников покинули кабинет Гущина как раз перед тем, как Катя вошла в приемную.

— Что у нас нынче, среда? — хмыкнул Гущин. — Арестовывают всегда по пятницам.

— Я серьезно, Федор Матвеевич. Что случилось?

— Покойника в машине нашли прямо посреди дороги на светофоре в Электрогорске, — сказал Гущин. — А покойник — майор по званию.

— Убийство?

— Пока не ясно.

— Вам, и не ясно? — Катя насторожилась с любопытством и одновременно запустила пробный шар бессовестной лесты.

Полковник Гущин не мог устоять перед женской лестью.

— И мне, и прокурору, и военной прокуратуре.

— Значит, весь этот армейский марш-бросок сюда к нам в главк из-за простого майора?

— Он в Генштабе служил. Майор Андрей Лопухин, судя по документам, при нем найденным, а нашли его...

Гущин изложил Кате то, что стало известно

о происшествии на перекрестке на выезде из поселка Баковка Электрогорского района.

— Его внедорожник больше часа стоял на перекрестке. А он уже готов был. Но приехал туда сам, сидел за рулем. Там, на месте, и умер.

— Сердце? — спросила Катя. — Ну раз вы в убийстве сомневаетесь...

— Не знаю. Какая-то подозрительная смерть. Работал он в Генштабе, военный, а по профессии — программист. Как только стало известно о его смерти, к нам сюда сразу трое военспецов нагрянуло из какого-то отдела «Д», особо допытывались, что при нем мы в его машине обнаружили. А у него два ноутбука в кейсе. Они их тут же опечатали и хотели забрать. А как это забрать? Мы разве можем вот так вещдоки отдать, не глядя? А что военная прокуратура нам скажет? Они ведь дело у нас заберут, это их подследственность, он же кадровый военный. В общем, скандал — они требуют, мы отдать не можем. А потом объявились люди из военной контрразведки. Все из себя такие крутые с грозной бумагой.

— Отдайте им все, не связывайтесь, — Катя смотрела на Гущина. — А вдруг он шпион?

— Подозрительная смерть, вот что я скажу. И дело мне не нравится. Хорошо, что военная прокуратура подключается. Но отдать мы должны все, что обнаружено и зафиксировано в протоколе осмотра. А то ведь эти разведчики вещдоки прямо из рук рвут.

— А что в его компьютерах? Наши их проверяли?

— Нет. Генштабисты их сразу опечатали.

— Отчего же он умер-то? — спросила Катя.

— Видимых повреждений на теле не обнаружено. Кроме следов уколов на сгибе локтя.

— Ну точно шпион! Федор Матвеевич, они его укололи, это как в фильме — отравленным зонтиком. Раз — и ликвидировали!

— Кто? — хмыкнул Гушин.

— Ну не знаю, эти.

— То-то. Эти, те... В машине на заднем сиденье аптечка, а в ней шприц использованный. На шприце только его отпечатки. Потерпевшего.

— Только его? — Катя испытала вслед за жгучим интересом жестокое разочарование. — Вы что намекаете, он наркоман?

— В аптечке ампулы с инсулином. Возможно, он был диабетик, кололся сам.

— И что... значит, это не убийство? Раз диабетик... естественная смерть? А что, в армии в Генштабе служат уже и диабетики?

Гушин вздохнул: о-хо-хо...

— Экспертиза назначена, и не одна. Мы, как получим результаты, сразу это дело спустим в военную прокуратуру. Пусть они там сами разбираются с этим майором Лопахиным. С Генштабом и отделом «Д», со всеми их секретами. Тебе, Екатерина, уж точно там делать нечего.

— Да я и не лезу никуда. И не претендую ни на что, — Катя сделала вид, что обиделась. — Я статью готовлю о тайнах нашего киноархива. И очень занята сейчас.

— Вот и хорошо. Занимайся киноархивом своим, — полковник Гушин закурил и пыхнул сигаретой.

— И буду. И пожалуйста. Но вам ведь самому это дело покоя не дает. Хоть вы его готовы с рук сбавить, но что-то вас... это ВАС-то с вашим-то опытом, — Катя запустила второй шар беспардонной лести, — в этом деле тревожит и настораживает. И вы сами об этом речь со мной завели. Я ведь только спросила, чего это к нам вояки явились. А вы и рады стараться — поговорить вам хочется об этом деле, Федор Матвеевич, обсудить. А не с кем!

В общем-то, не совсем рабочий официальный диалог в стенах главка, правда? Но с тех пор как в сердце полковника Гушина при штурме одного дома в подмосковном Новом Иордане попала пуля, уловленная бронежилетом... с тех самых пор он разительно изменился. И несмотря на свой солидный пост, свой профессиональный опыт и весь свой начальственный апломб, допускал вот такой стиль общения с капитаном пресс-центра ГУВД Катей Петровской, тоже бывшей там «при штурме дома в Новом Иордане».

— У него вид там, в машине, был такой, словно он перед смертью дьявола увидел, — сказал полковник Гушин. — Я сам туда выезжал. Если бы не мои собственные глаза, никогда бы не поверил, что лицо человеческое может такое выразить. Смотреть жутко. Машина стояла на перекрестке примерно час. Смерть на момент осмотра сотрудниками ГИБДД — не больше часа. Он за рулем, приехал на этот перекресток сам, встал на красный на светофоре. А потом... что произошло с ним в машине? От диабета или от сердца так не умирают.

ЧЕЛОВЕК ОПАСНЫЙ

— С самого начала и темп прибавьте. Не скатывайтесь в медляк, друзья!

И раз, два...

— Одну минуту, у меня скрипка расстроилась. Семен, дай ноту.

И вот так каждую репетицию! Михаил Пархоменко — младший сын Розы Петровны Пархоменко — в отчаянии всплеснул руками. Когда-то он мечтал держать в этих руках дирижерскую палочку. Недаром ведь кончил курс консерватории. Иногда до сих пор по ночам снились сны — он дирижирует большим симфоническим оркестром.

Например, увертюра к опере «Тангейзер». Ну, то место, где тромбоны возвещают о наступлении новой эры или конца...

Собственно, это одно и то же — начало и конец. В его конкретном случае — уж точно почти одно и то же. Когда жизнь подошла к середине, ни на йоту не реализовав ни одной вашей заветной мечты.

О доблестях, о подвигах, о славе мечталось в юности. О музыке. О грандиозной мировой славе. И ведь имелись задатки и материальная база. Как-то однажды старший брат Сашка сказал ему в подпитии, уже когда ворочал большими деньгами: все для тебя, братан, сделаю. Хоть ты и полное чмо, но ты моя родная кровь. Желаеть — куплю тебе оркестр.

А чего, собственно, было его покупать, бро-

сать деньги на ветер? Их городок достославный и гордый, некогда промышленный и весь из себя такой рабочий, пролетарский, имел среди других примечательностей, помимо заводского стадиона и трамвая (единственного в своем роде в Подмосковье), еще и музыкальное училище.

Не нужную роскошь по нынешним-то временам. Однако училище продолжало выпускать музыкантов, которые хотели лабать хоть на свадьбах, хоть на похоронах.

На симфонический оркестр эта публика не тянула. Духовой оркестр выглядел бы почти что реликтом. Рок-группа, о которой тайком мечтали все подростки Электрогорска, дьявольски нуждалась в талантливом солисте и песенных текстах.

И тогда Михаил Пархоменко, которого старший брат его, ныне покойный, звал не иначе как Мишель, придумал создать «эксклюзивную банду» — этакий оркестровый микс классики, рока и фольклора по подобию «Свадебно-похоронного оркестра» Горана Бреговича.

Нехило для подмосковного городишки, где вся жизнь вертится вокруг издыхающего, как бронтозавр, завода и фармацевтической фабрики?

Нехило.

И ведь не надо забывать, что в городе еще имеется коммерческий банк с филиалами по всей области. И главой его (пусть номинально) теперь после смерти брата является он — основатель и дирижер оркестра.

Были бы, как говорится, деньги. А после смерти брата — там, на кипрской приморской вилле, — денег полно.

— Настраивайтесь, мы подождем, — вежливо сказал Мишель Пархоменко первой скрипке своего оркестра.

Когда он брал вот такой тон в разговоре со старшим братом, тот только вскидывал брови. «Мишель — человек опасный, — говорил брат Сашка. — Мне ли не знать. Еще в детстве... ну да ладно, я не злопамятный. И не таких сук приручал, обламывал. А он все же брат мой родной, моя кровь. Приручу, обломаю, станет мне верным щитом — подмогой во всем».

Служить верным щитом... Как-то однажды у дверей закрытого клуба на Рублевке, куда приехали они вместе с братом скоротать вечерок, Мишель наблюдал такую картину: подруливает «Майбах», из него горохом сыпят охранники, один несет что-то вроде бронированного щита — заслонки. И в натуре... просто в натуре закрывает этой железякой какого-то толстяка в ботинках из крокодиловой кожи, выпадающего из «Майбаха».

Вроде какой-то ювелирный король так приезжал в клуб — с такой помпой. Они с братом Сашкой потом в баре ржали, вспоминая эту нелепую картину.

Что же, служить брату вот таким щитом всю жизнь? А как же музыка, консерватория, мечты...

«Мишель хоть и чмо, но человек опасный», — говаривал старший брат в подпитии. Побавивался ли его старший брат? Кто знает. Наверное, он с самого детства просто трезво оценивал все его возможности — в том числе и скрытые, потаенные. Но вместе с этим в разговорах почти открыто держал его за эдакого занюханного консерваторского

интеллекта, никчемного домашнего приживала, не способного к бизнесу и зарабатыванию денег. За дохлого лузера.

— Готовы? С самого начала. И прибавьте темп. Сколько раз вам повторять? Кто собьется или сфальшивит, тому... в момент оторву его гребаные яйца. Ну, сволочи, погнажи!!

Свадебно-похоронный оркестр «Мьюзик-бэнд» города Электрогорска под управлением Михаила Пархоменко грянул так, что с потолка в зале бывшего Дома культуры посыпалась штукатурка ветхой лепнины еще пятидесятых годов.

Эта фирменная «пархоменская» манера общаться. Даже окончив курс московской консерватории, Мишель не утратил ее. И она выручала безотказно.

Оркестр играл музыкальное попури — Мишель сам сделал аранжировку и оркестровку — тут тебе и Вагнер: увертюра к «Тангейзеру», то место, где тромбоны, и хиты «Рамштайна», и много, много всего.

По виду — полная импровизация, на самом деле — почти математический расчет по всем признакам строгой гармонии. Как он и любил.

Точный расчет под видом полной импровизации.

Не эту ли его чисто индивидуальную особенность имел в виду его старший брат Александр Пархоменко, утверждая, что «Мишель — человек опасный»?

Впрочем, ответ на этот вопрос старший унес с собой в могилу. А мать — Роза Петровна — ни-

когда каверзных вопросов своему младшему не задавала.

С вдовой брата Натальей у Мишеля всегда складывались непростые отношения. С юности. Они ведь в одном классе учились.

Все тогда шло вкривь и вкось. А потом все изменилось. На горизонте замаячил брат Сашка и сказал свое веское слово. И когда Наталья вышла за него замуж, когда все они стали жить в одном доме, то... все, что было, — прошло. Улетело как дым, оставив лишь вежливость и скуку.

Свадебно-похоронный оркестр города Электрогорска после Вагнера и «Рамштайна» дошел в попури до темы Луи Армстронга.

Мишель дирижировал, наяривал, иногда грозя музыкантам кулаком. Комичное, наверное, зрелище со стороны — длинный худой тип, вечно растрепанный, красивый не по-мужски, в отличном костюме, всегда без галстука, бессвязно орет, стараясь перекричать оркестр:

— Громче! Быстрее! Скрипка вступает! Я сказал — скрипка! Фагот — сдохни! Сдохни, я сказал! Сейчас не твоя очередь, кончай выпендриваться. Ударные — темп! Темп, мать вашу!!

Матерная брань как особое соло... Но музыканты терпели. Ведь их дирижер ныне — после смерти своего брата Александра и его бывшего компаньона Бориса Архипова — самый богатый человек в городе. И он платит им королевскую зарплату из своего кармана. Содержит всю эту музыкальную банду за свой счет, покупает инструменты, организует выступления. И оркестр любят в городе.

Он развлекает, забавляет, когда играет по воскресеньям летом в парке и на День города.

Музыканты и Мишель Пархоменко — такие прикольные. Так считает молодежь Электрогорска.

Музыка внезапно оборвалась — эту фишку Мишель придумал особо. Раз — и как отрезало! И все, слава богу, попали в такт, никто не опоздал.

— Фу, молодцы, ведь можете, когда захотите, — Мишель вытер вспотевший лоб.

Наступившую тишину в зале пронзил сигнал мобильного. Мишель достал телефон из кармана:

— Да, слушаю. Это ты? Привет. Я так скучал...

Его лицо озарилось улыбкой, потом вдруг потемнело.

— Это все, что ты хотела мне сказать? Подожди. Мы поговорим наедине. Да послушай же ты меня!

Мишель глянул на музыкантов. И оркестр, вспорхнув, как стая, суетливо подхватив инструменты, ринулся к выходу — в раздевалку.

А его хозяин и дирижер остался один в большом пустом зале.

Наедине с тем, кто ему звонил.

Глава 7

ГЕРТРУДА И ЕЕ СЕСТРЫ

Официант в кафе торгового центра принес заказ: две пиццы с анчоусами и один тайский салат. Гертруда Архипова — старшая внучка Адель Захаровны Архиповой — забрала салат себе.

Вздыхнула, наблюдая, как при виде румяной

пиццы порозовели щеки самой младшей сестры — четырнадцатилетней Виолы.

— Сейчас мы их проверим, сейчас мы их сравним. Черт, одинаковые!

Виола придирчиво сравнила тарелки с пиццами — свою и средней сестры, семнадцатилетней Офелии. Та удалилась в туалет. Ей вечно приспишит. Правда, сейчас в кафе они уже успели выпить кока-колы и по безалкогольному коктейлю.

Старшая сестра девятнадцатилетняя Гертруда снова вздохнула: везет Офелии — Филе, она с детства такая, это называется, кажется, ускоренный метаболизм, нет, не метаболизм, а обмен веществ. Все проскакивает, выскакивает, ни отеков, ни шлаков в результате не откладывается. Что там болтали в школе на уроках биологии? Сейчас разве вспомнишь?

Итак, лету почти конец. Пипец. Осталось каких-то две недели лета. В этом году в августе их никуда не отправили отдыхать. Это потому, что у бабушки Адель юбилей, круглая дата. И впервые после смерти отца... да, после убийства отца, их семья намерена отмечать день рождения.

Гертруда поковыряла салат вилкой — а где тут краб? В меню значится: тайский салат с крабом. Одна трава и морковь. Что ж, ее планида такая.

Мобильный телефон лежал рядом с прибором на столе. На циферблате все высвечивался тот номер. Ей перезванивали уже, наверное, в десятый раз. Но Гертруда не отвечала, отключив в телефоне звук.

— Замучаешь его вконец.

— Заткнись.

Гертруда бросила это резко, подняла голову и тут же пожалела о грубости. Потому что сказала это ей не Виола, а Офелия, вернувшаяся из туалета. Стоит, не садится, смотрит на мобильный с ярким дисплеем.

С сестрой Офелией Гертруда всегда была очень близка и нежна. Их разница всего два года, но Гертруда отлично помнит, как новорожденную девочку, ее сестренку, отец и мать привезли из роддома домой. Дома в альбомах и фотографий полно — Офелия в коляске с погремушкой, а она Гертруда — двухлетняя рядом, заглядывает с нежностью и любопытством, что там поделявает крохотная сестра?

И когда начался дома тот ужас с бандажом, с корсетом, со специальными распорками для ног... Гертруда и это отлично помнит. Как всем домом возились с Офелией — Филей, у которой оказалась врожденная травма позвоночника. Как учили ее сначала ползать, потом подниматься на ножки, затем ходить.

Ковылять...

Ковыляет она до сих пор, хромая. Говорят, что они просто упустили время, в раннем детстве до пяти лет надо было делать ей операцию на позвоночнике. Но мать и отец всегда оправдывались: какая операция, это же середина девяностых, полный бардак, в медицине, в клиниках черт знает что. Разве они могли решиться в такое время положить ребенка под нож хирурга? А денег больших отец тогда еще не зарабатывал, чтобы везти дочь за границу. Он в те годы вместе со своим компаньоном Александром Пархоменко лишь начинал,

разворачивал свой бизнес. Они тогда каждый конвертируемый рубль считали, вкладывали в дело.

И вот в результате Офелия осталась хромой. Не из-за родительской жадности, нет. Мать и отец — ныне покойный — обожали среднюю дочь.

И Гертруда тоже любила сестру. Больше, чем младшую Виолу. И Офелия платила ей преданностью и любовью. Стоило лишь кому-то из местных электрогорских пацанов процитировать из БГ — «не пей вина, Гертруда, пьянство не красит дам», Офелия тут же кидалась драться за сестру. А драться, несмотря на свою хромоту, она умела. Пацан, на которого она налетала, еще только ошарашенно моргал глазами, а она уже впивалась острыми ногтями в его щеки, расцарапывая их в кровь и при этом отчаянно визжа: проси прощения, урод, у моей сестры! Проси прощения у Герки!!

— Извини, вырвалось нечаянно, — сказала Гертруда Офелии, убирая мобильный со стола. — Садись, пицца остынет.

Офелия села. Отделила кусочек пиццы с анчоусом вилкой и протянула Гертруде:

— Ну хоть попробуй.

Виола, успевшая умять полпиццы, ехидно наблюдала за сестрами.

— Не искушай, ей нельзя. Она у нас красотка. Мисс, как там вас?

Гертруда кротко вздохнула — который уже по счету раз? Да, разрешите представиться: «Мисс Электрогорск», а также «Мисс Открытый купальник» и «Мисс Красота по-русски».

Кто-то может подумать, что все эти конкурсы красоты последних двух лет ей помогли выиграть

деньги их семьи. Так мог решить лишь тот, кто совсем не знает их семью — клан Архиповых, состоящий ныне из бабушки Адель и мамы.

Бабушка Адель все это время скорбела. Глубочайший траур по сыну, их отцу... Она сняла траур в тот день, когда стало известно об убийстве где-то за границей бывшего компаньона отца.

Бабушку не интересовали конкурсы красоты, не интересовало ничего — кроме этой вот новости, что дядя Саша — сын бабушки Розы, в прошлом компаньон отца, а ныне — их смертный враг, мертв.

А мама... она после смерти отца много плакала. А потом взяла себя в руки. Ее тоже никогда не прельщали конкурсы красоты. Она всегда увлекалась общественной работой. Странно для жены крупного бизнесмена, владельца завода, правда? Но мама уж такая. И ныне она увлекается рабочим профсоюзным движением. Тем, чего у нас нет, как она говорит.

Можно увлекаться — завод больше их семье не принадлежит, он продан. И деньги за фонды, за акции выручены такие, что хватило бы на тысячу конкурсов красоты. Но ради победы Гертруды семья не заплатила ни копейки. Гертруда участвовала на общих основаниях, как и остальные девчонки. И победила.

«Мисс Электрогорск»...

«Мисс Открытый купальник»...

«Мисс Красота по-русски».

И теперь вот подана заявка на участие в конкурсе «Мисс Россия».

Порой по утрам она вставала с постели, снима-